

ГУДБЕРГУР БЕРГССОН

[168]

ИЛ 1/2019

Исландский писатель за границей

Перевод с исландского Татаьяны Шенявской

ОДНА немецкая идеалистка, слывшая большим другом Исландии и державшая книжный магазин в маленьком, но известном городе, как-то пригласила меня приехать и почитать что-нибудь из моих произведений, чтобы таким образом представить и себя самого, и исландскую культуру, почти незнакомую жителям европейского континента. А все потому, что в одном журнале напечатали мой рассказ. Он так понравился той женщине, что она не только стала моей большой поклонницей, но и решила выступить в роли покровительницы всего исландского народа.

— Я с детства мечтаю о путешествии в вашу удивительную страну, — писала она в присланном по факсу приглашении и между делом просила меня попытаться раздобыть ей грант для осуществления этого мероприятия. — Вдруг у вас получится, и тогда моя мечта станет реальностью. Я готова на большие расходы.

Я не смог отклонить ее любезное приглашение и попросил грант в одном исландском фонде, который финансировал знакомство иностранцев со страной. Грант дали, поскольку

ку считается, что знание литературы способствует увеличению объема продаж морского окуня в Бремерхафене. “Германия уже давно стала для исландской культуры окном в Европу. Вагнер никогда не написал бы свои оперы, если бы не знал ‘Эдду’”, – писали в письме из фонда. Я переслал деньги женщине и вскоре после полудня отправился на поезде в этот город, где и нашел в центре книжный магазин.

Женщина встретила меня с улыбкой старой знакомой, словно знала всех исландских писателей в лицо и им не нужно было представляться. Магазин располагался на двух этажах, и она сразу же повела меня вниз по широкой деревянной лестнице. Там меня уже ждал микрофон и несколько стульев, расставленных полукругом для возможных гостей.

Женщина оказалась средних лет, очень суетливая. Ей было явно не по себе, возможно, из-за того, что она это затеяла; ведь если никто не придет, она понесет убытки.

– В Германии все так дорого, жизнь стоит немало, – сказала она, несколько раз кивнув головой, будто от боли, которую испытывала за саму себя и весь немецкий народ.

Я почувствовал себя виноватым и всеми силами пытался поддержать беседу, которая становилась все более принужденной. Вокруг нас повсюду стояли стеллажи, и она вдруг принялась расставлять книги, хотя в этом не было никакой нужды. Вскоре я осознал, что, похоже, никто действительно не придет, хотя женщина, по ее словам, заблаговременно развесила повсюду рекламные объявления: и в торговых залах, и в витринах, и даже на стеклянной двери супермаркета напротив.

– Одно только это сколько стоило, – сказала она с некоторой долей грусти, достаточной для того, чтобы вызвать во мне еще больше сочувствия и усилить чувство вины за все ее траты.

При такой мощной рекламной кампании мой приезд точно не пройдет незамеченным, заверила она меня, кивая головой.

– Знаю я немцев, мы никогда ничего не упускаем.

Потом она начала рассказывать о своих трудностях, о том, как неохотно немецкие писатели читают публике свои произведения, разве что за большие деньги.

– Немыслимо, чтобы сюда приехал, например, Мартин Вальзер. А если бы и приехал за баснословный гонорар, то даже со мной разговаривал бы лишь в случае крайней необходимости, тем более с гостями.

– А почему? – спросил я.

– А разве такие парни не слишком высокого мнения о себе? – сказала она, искренне удивляясь моему непониманию

всей важности немецких писателей. — Однако Томас Манн читал здесь перед войной. Магазин, конечно, перестроили, а табличка осталась.

Она указала на табличку.

— Это так странно, он стоял как раз вот тут! Но пол, разумеется, сейчас другой, — пояснила она, проведя рукой по табличке, и вдруг начала рассказывать о том, как хорошо продается недавно вышедшая книга Зюскинда “Голубка”. — Хотя и хуже, чем предыдущая, — добавила она с легкой грустью.

— А почему? — в нервном напряжении повторил я тот же вопрос.

— В Германии нельзя хорошо продать две книги одного автора подряд, — ответила она удивленно. — Разве вы не знали? Это один из немецких законов.

— Нет, — честно признался я.

— Это потому, что вы исландец, — сказала она, кивком показав, что мое неведение, обусловленное культурными различиями, ей вполне понятно.

Нижний этаж магазина чем-то напоминал оркестровую яму. Оттуда я мог видеть, как люди заходили, рассматривали книги, иногда покупали, однако никто из них вниз не собирался. Наконец какая-то покупательница склонилась над перилами и, немного поглазев, спустилась, но не села, а начала рыться на полках вокруг меня. Вслед за ней потянулись еще люди, вероятно, посмотреть, в чем это женщина роется и не порыться ли им тоже. И все повторялось. Многие копались в книгах, но никто не садился. А тем временем уже пора было начинать. Хозяйка магазина заметно нервничала, однако, похоже, все-таки не собиралась представлять меня пустым стульям. Я понимал, что надо уходить, но никак не мог придумать, как бы все обставить так, будто я попал сюда исключительно по собственной наглости, один из тех писателей, что терроризируют владельцев книжных магазинов, дабы заполучить микрофон и стулья.

— И что же вы нам сегодня прочтете? — неожиданно весело спросила хозяйка магазина.

— Один короткий рассказ, — ответил я.

— Очень интересно. А о чем? — излишне радостно продолжила она, добавив: — Ой, вы, конечно, не хотите рассказывать сюжет заранее, чтобы сохранить интригу.

— О том, как одна незнакомая женщина приходит на хутор и дарит детям апельсин.

— А там будут какие-нибудь жидкости? — спросила она, смущаясь.

— Разве что сок апельсина.

Женщина забеспокоилась.

— Я тут полюбопытствовала, вы уж извините, навела о вас справки на кафедрах скандинавистики здесь, в Германии, где преподают исландский. Оказывается, в ваших рассказах всегда много всяких жидкостей.

Она дотронулась ногтем до носовой перегородки.

— Вы писали на кафедру в Мюнхене? — поинтересовался я.

— Не скажу, — ответила она обиженно.

— Что ж...

— А там точно будет апельсиновый сок, а не какие-нибудь телесные выделения? — переспросила она.

— Разве что считать сок телесным выделением апельсина.

Я был неприятно удивлен.

— Скажем так... Но начинайте же, — вдруг подбодрила меня женщина. Похоже, она придумала, как вытащить меня из трудного положения, в котором я оказался, — не она! — потому что не отклонил ее приглашение. И отвечать за все мне, даже за отсутствие слушателей.

Я посмотрел на хозяйку магазина, смущенный выражением ее лица, которое говорило: “Вы можете винить в этом только себя, мы, немцы, всегда невиновны, что бы ни делали”. И сама она сказала резко, будто происходящее ее больше не касалось:

— Как знать, может, покупатели спустятся к нам, если вы наконец-то начнете читать.

Последние слова она прошептала. Наверху у перил возникла крупная женщина средних лет и, с любопытством посмотрев по сторонам, спустилась. Мне показалось, она из тех, кто заходит на литературные мероприятия из супермаркета, прямо с продуктами, и плюхается на стул, некоторое время сидит, сложив руки на коленях, но вскоре встает, говоря всем своим видом: “Это не для меня. Лучше пойду домой готовить или убираться. Мне еще надо гладить и чинить ребятам штаны”. Эта женщина явно была хорошей хозяйкой и заботливой матерью. Однако она не села, а пошла что-то искать на полке “Общие темы”. Хозяйка магазина вызвалась ей помочь. Женщина искала книги о цветах и собаках. Такая литература продавалась на верхнем этаже. Поняв, что ошиблась отделом, женщина разволновалась и поспешила вверх по лестнице. Хозяйка зашикала на нее, чтобы та не мешала людям слушать. Женщина в смятении бежала по лестнице, приложив палец к губам. Я продолжал читать, искоса наблюдая за происходящим. Хозяйка последовала за ней. У меня мелькнула мысль, что она воспользуется шансом улизнуть. Я остался наедине с микрофоном и тридцатью пустыми стульями, но чтение не прервал.

Вдруг я заметил, как на ступеньки где-то посередине лестницы сели юноша и девушка, и, вместо того чтобы занимать-

ся тем, чем обычно занимаются молодые люди на ступеньках, то есть целоваться, эти вдруг стали слушать с вниманием и даже с интересом. Так они сидели долго, а я читал, попутно размышляя: “Почему они пришли? Что могло заставить молодых людей слушать незнакомого иностранного писателя из страны, о которой они, вероятно, и не слышали?”

Я продолжал читать и размышлять. Тут меня осенило, что передо мной исландские студенты, пришедшие поддержать соотечественника. Городок был университетским, и в нем непременно должен быть хотя бы один исландец, как в большинстве точек земного шара. В любой дыре можно встретить какого-нибудь исландца. Уже стало традицией: исландский студент и его местная подружка. В знак уважения к присутствующим я стал читать по-исландски, хотя и не получил ни намека на то, что это мои соотечественники. Они сидели тихо и слушали беспристрастно. Закончив чтение, я поблагодарил слушателей за внимание и, подойдя к ним, обратился по-исландски. Они даже не удостоили меня непонимающим взглядом, только встали не торопясь и пошли. Я тоже поднялся по лестнице, пропустив молодых людей немного вперед, но, в отличие от них, остался в магазине.

Девушка за кассой приветливо мне улыбнулась:

— Все ведь прошло замечательно?

— Да, — согласился я и стал ждать.

— Вы кого-нибудь ждете? — спросила она, когда я прождал довольно долго.

Я поинтересовался, где хозяйка магазина.

— Она куда-то вышла, — ответила девушка.

Я ждал. Время от времени девушка обращалась ко мне с неизменной улыбкой:

— Не хотите кофе? Она вот-вот должна прийти.

Наконец до меня дошло: “вот-вот должна прийти” значит всего лишь то, что человек придет на следующий день или, по крайней мере, когда его уже давно перестанут ждать и уйдут. Сначала я решил было сидеть в магазине до упора, дабы получить хоть какой-то гонорар, но потом одумался и поспешил на последний поезд.